

Эвелина Шац

Путешествие в Таганрог, или В поисках героя

Были и есть люди, объединяющие культуры разных стран. Жуковский и Гнедич открыли русскому читателю Гомера; Толстой, Достоевский, Чехов открыли миру Россию – не сами, их переводы на многие языки мира. А Набоков писал и по-русски, и по-английски. Одинаково свободно. Подобную попытку предпринял Иосиф Бродский. Но это все уже в прошлом. Но и сегодня есть поэт, прозаик, искусствовед, художник Эвелина Шац, которая заняла значимое место и в итальянской, и в русской культуре.

Эвелина Шац родилась в Одессе в 1938 году. В 1957-м поступила в Московский университет на отделение истории искусства. А в 1960 году, выйдя замуж за итальянца, уехала в Милан. За эти 54 года она написала сотни статей по-итальянски и по-русски, консультировала театр «Ла Скала», дружила с Юрием Любимовым, и Лилей Брик, с Юрием Нагибиным и Сергеем Параджановым. И все это выливалось в прозу, в стихи, в книги на итальянском и на русском.

Роман, который мы предлагаем читателю, посвящен замечательному московскому драматургу и поэту Виктору Коркия.

Евгений Голубовский

Виктору Коркия посвящается этот метароман в эпоху необарокко

Гермес Марана мечтал о литературе,
целиком состоящей из апокрифов,
ложных посылов, подделок и подлогов,
мешанины и путаницы.

Итало Кальвино

Фрагментарна память,
фрагментарны мысли и чувства,
сама жизнь человека – всего лишь
незавершенный фрагмент его души,
блуждающей в Вечности
Виктор Коркия

Предупреждаю: любая краткость
подразумевает неточность в деталях.
А может быть, наоборот?
Полагает средоточие деталей? Вам решать.
Эвелина Шац

Фрагмент № 0

Держи мой одуванчик – я уехал в Таганрог

Фрагмент № 1

Нет, не желтая роза из старого стихотворения, а... одуванчик!
Среди макулатуры, дорожных чемоданов и сундуков. Отъезд.
Из ниоткуда в никуда. Желтый золотой светильник надежды
в *ниоткуда*, он серебрится, в *никуда*, прекрасный Тагахасит, неис-
целимо затихая в сером мире дождя. Да-да, какой-нибудь новый
стишок. О любимых китайцах, что питаются и лечатся одуванчи-
ками. Впрочем, и наши первые поселенцы в Америке тоже. Вот
только не знаю, ели ли одуванчики мои предки в Филадельфии.
Я в Одессе – ела. Хотя нет, сначала это было в Уфе. С голоду. Вот там
я и сказала впервые *Подержи мой одуванчик, я уехала в Москву*.

Фрагмент № 2

На углу торгуют вином из одуванчиков, сказал, пробегая мимо,
один поэт. Он бежал и пел: *Меня сочтут обманщиком, Да только я
не лгу? Вином из одуванчиков торгуют на углу*. Я побежала за ним.

Нет, я не пела. А он отнюдь не был обманщиком. Но очередь была слишком длинная.

Где это случилось? Да в Таганроге!

Фрагмент № 3

Из письма Аленки, которая напоминает, что рассказ стоит вот уже два года

«А в Таганроге нынче ле-е-е-то! А на заборах виснут ви-и-и-шни!
Мужчины все с горящим взгля-я-дом и в длинных шелковых носках.
Они читают Бодрийяра, едят всегда ножом и вилкой,
уместно виртуозно шутят и носят женщин на руках.

Увелитка! Это я проездом из Таганрога на дачу

А в чеховской библиотеке сидит (один!) самый кипящий,
изгрыз на нервной почве ручку и перепачкал формуляр.
Все пишет Эваэваэва в аду любви неразделенной,
ему не помогает водка, массаж и даже Бодрийяр.

Не мучайте мужчину, леди! Ломаться ледям не пристало!
Год тянете свою резину, не покидаете Милан.
За это время на дрезине добраться из Мытищ уж можно
до Таганрога. Берегитесь! Так и сойдет на нет РОМАН!

*Ты ответственна перед мировым сообществом за доставку
себя в Москву через Таганрог осенью. Аленка»*

Фрагмент № 4

22 декабря 200...

Наконец-то написана первая строчка:

Он хотел завернуть огонь в бумагу...Сгорела я. И уехала в Таганрог.

Или так.

Я прочла в Интернете:

Китайская голая хохлатая собачка продается в Таганроге.

Я поехала в Таганрог

Воображаемое гораздо важнее осуществления, говорит *революционист* Жиль Делёз. Но я действительно оказалась в поезде Москва – Таганрог. Действительно? Что значит действительность? Известно, что когда Гегелю сказали, что некоторые его построения не соответствуют действительности, он холодно заметил: «Тем хуже для действительности». Почти как одессит. Вот классическая аутистическая установка. Но об этом дальше.

В действительности все было не так.

А как?

Все осталось позади. И что же это значит?

То, что все, что произошло, сопровождает тебя дальше по жизни, а значит, суть будущего, а настоящего – заноза. Но для этого Прошлому надо дать случиться. Ибо ничего не происходит естественно, но случается.

Фрагмент № 4 или 5

В действительности роман случился, начиная с этого стихотворения, которое так и называется *БОЖИЙ ОДУВАНЧИК*

Да будут вечно на пути
Мыльные пузыри!
Кто он? Как Чехов или
Дон Кихот Оксаны,
Он из Таганрога
Божий одуванчик.
Разбил мне сердце,
Выбил зубы, вынул душу
И говорит:
Смотри, не простудись.

Фрагмент № 5

Письмо Эвелины Аленке

«Я, как и Бродский, училась у Борхеса и Набокова не писать, а читать. Я любила.

Любила отчаянно, боялась конца. А все было давно уже кончено. Я ведь там, в Таганроге, встречаю другого, помнишь? Вот и тянула. Не могла же я написать этот рассказ, когда у меня в жизни сама история не находит конца. И я не готова к следующей. Пошел тринадцатый год. И история моя давно стала воображаемой. Но разве не все в жизни воображаемо? Абстрактное полотно тоже изображает реалии, реалии подсознания, реалии воображения».

Фрагмент № 6

Ах, вернисаж, Ах, Таганрог! И лучше выдумать не мог... Ля-ля, ля-ля! Траля, ля-ля... пропела в ответ Аленка.

Фрагмент № 7

...А пока заметки для Таганрога начали абсурдно вываливаться из папок с файлами, как старухи из окна в рассказе Хармса. Держи мой одуванчик. Я поехал в Таганрог!

Фрагмент № 8

Сначала я хотела поплыть на пароходе из Одессы. *Пассажирские рейсы до Керчи начинались в мае. Но от Керчи до Таганрога до начала сезона шли лишь редкие грузовые суда. Они выпадали из Керченской бухты, как из раскачавшейся старой люльки. Скорее это были простенькие парходики, и они нехотя тащились в Таганрог. Время здесь давно остановилось.** По Азову, только по Азову, плавали до сих пор ветхие плоскодонные баржи, которые описывает в 1920 г. Осип Манделштам в *Возвращении*.

Да, так сначала я хотела поплыть на пароходе из Одессы...

Но передумала и вернулась в Москву, а оттуда поездом – в Таганрог.

Расписание поездов с Курского вокзала:

* Кажется, это из Улицкой.

16.51 Москва – Адлер
21.30 Москва – Кисловодск

Где-то пересадка.

Итак.

Он хотел завернуть огонь в бумагу... Сгорела я. И уехала в Таганрог.

К несовпадениям следует привыкать, не обижаясь на судьбу.

Фрагмент № 9

Вам никогда не казалось, что все вокзалы пахнут одинаково? Но чем? Нечто противоположное запаху Гранд-отеля. Пока я подыскиваю слова, могу заметить одно. Это запах раставания. Кто сказал, что от себя не убежишь? Вранье. Вот из ЖЖ молодого человека. «Запросто можно выбить. Глухо пить водку с корешами по купе. Закусывать классической холодной поездной курицей. (Я ее поглощала в шесть лет в самолете Таганрог – Москва). Потешаться над знакомыми до зубовой боли анекдотами. И рассеяно слушать замызганные попутческие истории под звяканье ложечки в подстаканнике. Смирно смотреть, как зажигаются вдали огни и... вечер норовит догнать поезд. Тщательно расстилать простынку на полке и до опупения драить зубы перед сном. А самое клевое – быть при этом абсолютно при кайфе. Ибо путь из точки А в точку Б может быть до конца прикольным. Странные ощущения, когда просыпаешься на подъезде к такому месту как Таганрог, а потом выдвигаешься на перрон пердового вокзала и прям сразу хочется прописать СМС всем знакомым «бля, я в Таганроге». Пердь несусветная».

Почти как у Чехова: «Был я в Таганроге – тоска смертная». (1896 г. 23 августа – 1 день в Таганроге.)

Фрагмент № 10

Чего это ради она двинулась в Таганрог? Хотела посмотреть на родину героя Коркия?

Послушалась Осла?

Я понял: Таганрог есть Пуп Земли

И дальше там же:

Но ты, Сократ, ты должен мне помочь.
Мне нужно поселиться в Таганроге

Где-то же должен быть рай, в конце концов? Ведь говорит же Михайлик, что он везде и нигде. И потом, мы уже говорили, ничего не происходит естественно, но случается. А случается, потому что фатум, что гнетет нас, есть лень нашего духа.

Не поленилась и поехала.

А пока я ехала в поезде и думала. Колеса стучали, как в литературе, где ходят поезда. Помните мой рассказ *Поезда моей жизни*? Под стук колес я набросала схему повествования или, вернее, анатомии любви.

Может быть, только затем я и ехала в Таганрог.

Фрагмент № 11

Планету земля охватывают два миллиона кишмя кишящих железнодорожных километров. В России же железные дороги составляют почти полмиллиона километров. Водные пути сообщения составляют 85 тыс. км. Может быть, я выбрала железную дорогу из-за значительности километража?

Но скорее другое.

В журнале «Современник» Пушкин писал: «Я просил князя Козловского дать мне статьи о теории паровых машин, теперь, когда Герстнер заканчивает свою чугунную дорогу между столицей и Царским Селом, всем нам «нужно понять и усвоить великое изобретение, которому принадлежит будущее».

Я часто нахожусь под влиянием Пушкина.

И моего ученого Героя тоже.

Фрагмент № 12

Что больше могла я сделать для него, чем встретить его?

Фрагмент № 13

У самого синего моря*

он не принадлежал никому, он не принадлежал мне, ни тогда в Костроме, ни-когда в Милане, ни тем более в Москве, когда плохо уже помнилась Кострома, где дрожь проникала в конечности и в зубы – они стучали джазовым стаккато о предметы металлической столовой утвари – или когда – еще хуже – помнилось, как кружилась голова в Обоянске, и обои были подвижны и текучи, и весь окружающий меня китч – интерьер из советского кино – хороводил в голове и вокруг королевской льняной постели, такой не было даже в замках Висконти и Дурины, ни в охотничьих усадьбах Босси Пуччи и Сфорца – она стояла, как плот в открытом море морей, а голова между ног творила вензеля и арабески в моей неутолимой плоти, и птичий крик рвался из окна, он отрывался от моего тела и, отстраняясь, лежал отчужденно и одиноко под балдахином, как вещь, а **он** записывал мои стихи... как мы смеялись по утрам всему на свете, о-о, как умно мы смеялись, всему на свете, **он** погладил мне платье – хорошо бы сохранить его для последнего в мире путешествия – а пока в этих киноинтерьерах, как всегда, что-то ломалось, рвались трубы краны прохода – тогда он натаскал бесконечное количество ведер воды – я могла уплыть по этой воде в будущее, в Милан к другому – нет! нет! уже поздно! – я могла плыть себе и плыть – кто меня остановит – до самого синего моря

Фрагмент № 14

Прошло время. Помню ли я еще своего Героя?

Его неумение любить было простым недостатком культуры, его нежелание – женоненавистничеством, мизантропия соответствовала его недовольству миром, когда это не было глубоким не-интересом к нему. Мир его пугал, но еще более – его несоответствие ему.

Вот почему хотел он завернуть огонь в бумагу...

* Всегда встречается разбитое корыто.

Вырос **он** в городе, который перечеркнул свою историю, став внеисторическим, лишенный физиологии, он будто бы при-
снился сам себе, безотносительно, в желаемой посредствен-
ности. Вот эта безотносительность делала этот город щемяще
нечеловеческим, превращая жителей в прохожих пришельцев.
Из книг моих, а их было семь, число таинств, герой их вышел
не таким, каким вошел в сознание. Посредственность ему боль-
ше не давалась. А мне не давалось обновление сюжета. Шли
и шли новые стихи или старые на новом витке. Я не линейно раз-
вивалась, а объемно разветвлялась. Темы все те же. А взгляд –
другой. В каждой книге все то же, и все иначе или по-другому
увиденное.

Я любила **его** за непредсказуемость нашего общего буду-
щего. Когда **он** стал разводиться со мной, сначала неожиданно,
а потом как бюрократическая заевшая пластинка, превращая
в застывший знак советской метафизики очередное настоящее,
я разочарованно сникла. Но не желала сдаваться превращению
биографии в сюжет. Будущее стало предсказуемым. Его не было.
Все повторялось. Я продолжала жить неповторимостью. Логика
искусственного порядка моего друга чуть не убила меня, превра-
щая в образ живую женскую плоть. **Он** обезбожил мир, и хаос мой
лишил и цели, и надежды, и счастья, все застыло в неодоушевлен-
ной перспективе. **Его** молодецкое *здесь и сейчас* – Карнеги&сон –
творческим актом стихоплетения я возвращала/обращала лицом
к вечному. Там – смиренное недеяние.

Фрагмент № 15

Но может быть, Любовники, больные ностальгией, обладают
таинственным счастьем?

Фрагмент № 16

Каждая моя книга-поэма – кристаллографическая фигура –
тело единой бесконечной строфы, стремящейся к максимальной
рассказности вкратце, где поэтическое слово – своего рода иеро-
глиф, барочный знак лаконичности. И именно читатель, редкий

читатель превращает его (слово) – в плоть. Стихи же – предметы *свернутой* – Дэвид Бом – реальности, вневременной протореальности, возникающие в результате озарения: голографические натюрморты *в пейзаже* развернутого мира, на поверхности мироздания (плод работы познания).

Что, непонятно? Вот так и представляется, наверное, пример *барочного знака лаконичности*. И что же проза поэта? Другая. Он и в прозе не прозаик. Все срывается на стихи.

Фрагмент № 17

Хаос – зерно мира, творящая пустота Пригожина, из которой растет космос.

Чтобы выжить, **он** придумал себе маленький мир еще одного Вини-Пуха. Анонимность попытка неуязвимости. Страх перед настоящим. Беспреградное скольжение в неодоушевленное завтра.

Ты роскошь отсутствия смыслов
Глухомань
Весь века абсурд – в тебе
А любовь моя стала трактатом
о веке, абсурде, семье
Баньян

Так на пороге фраз остаются обломки крушения невысказанного.

Странное имя дерева – баньян.

Фрагмент № 18

А при чем здесь Обоянь? Так я там родилась. И после целой жизни отсутствия встретила *его* именно там, в городке неподалеку от Таганрога. Сам-то **он** из Кимров или Мытищ, или даже из Обоянска.

Во-первых, не Обоянск, а Обоянь. Затем, когда я прочла историю города, то мне расхотелось там родиться.

Судите сами.

Где-то в 17 веке упоминается река Баянь. Так называлась местность (*татаро-монг. bajan богатый*); в более позднем документе – Обоянь: появилась русская приставка О-, означающая *вокруг, около*. Значит, река, текущая по богатой местности. Вот и все богатство с той поры. Построили город. Вся история – история названия. Он был даже Обоянском одно время. Кроме герба, ничего интересного.

В золотом щите черный хорек. В вольной части – герб Курской губернии. Щит венчает серебряная корона, вокруг золотые колосья, соединенные Александровской лентой.

Интересен хорек... Он черный-черный, чернее обычного лесного (черного) хорька. Напоминает альбиноса (степной хорек) в картине Леонардо «Дама с горностаем». Он тоже длинный и не очень пушистый. И вовсе не горностаи, а хорек. Почему с *горностаем*, никто не знает. И я ничего не знаю про горностаев. Кроме того, что они белые и ласковые. Это уже история.

Но тогда где я, по-вашему, родилась?

Как я говорила, должен же где-то существовать рай. Мое спасение в оптимизме. Оптимизм как форма сопротивления.

Фрагмент № 19

Интересно, что у Коркия Таганрог – остров. Остров, затерянный среди эпох, революций, войн. Это сказал Коркия или Паустовский? Или я сама? Я люблю острова. Несмотря на *roena insularis* (наказание островом). Странно, что на острова ссылают. Впрочем – это место одиночества *per excellenza*. Но и парадизы обычно размещаются на островах. Остров нашей мечты – это рай. Остров-сад. Здесь таится бессмертие, не движется время. Остров-Крым. Остров Понца.

А вот Хлебников, помните?

Вообще, будетляне должны основать остров и оттуда диктовать условия. Мы будем соединяться с материком посредством аэропланов, как птицы. Станем прилетать весной и выводить разные идеи, а осенью улетать к себе.

Ах, эти мои неповторимые поэты!

Фрагмент № 20

Обоянь как остров. Обоянь как Обломовка. **Он** – Обломов. Я – Штольц. Мы сумасшедше любим друг друга.

Он трагически боится потерять уникальность своей личности, слиться с *другим*. **Он** не из Парижа, и даже не из Милана. **Он** из Обоянска. Кстати, я тоже. Хотела быть. Его мучает мистический ужас – потерять себя в толпе. Пусть в толпе Эв. Про толпу Эв очень здорово написала Аленка.

Жила-была Эва. Она родилась в Одессе, поэтому ее было так много внутри, что когда она выходила из себя, образовывалась целая толпа. Все вышедшие Эвы тут же принимались читать стихи и беседовать друг с другом об искусстве. У Эвы был рыцарь. Он не умел выходить из себя толпой и очень терялся, пытаясь одновременно ухаживать за каждой Эвой в отдельности. При этом терялся рыцарь настолько самозабвенно, что порой вся толпа вынуждена была его долго искать.

Мир, как всегда, требует от человека быть не полноценной личностью, а только частью ее – мужем, любовником, деятелем и, наконец, героем. И Штольцу, то есть мне, тут возразить не просто.

Мой герой живет в своей архаической идиллии, пока мир гудит освоением техносферы, и некоторые Эвы множатся, как современные галактики. **Он** постепенно погружается в вечность моих поэм, где настоящее и прошлое спуталось, размешалось, а будущее *его* не волнует. Подлинный смысл *его* жизни – не гнаться за Штольцем (то есть за мной, неутомимой, за толпой меня) в попытке стать современным, приобщиться к окружающему пейзажу постмодерна. Избегая движения времени, он живет в своем, независимо сотворенном времени. Он заблудился в своих интенциях – подавить, сдержать время, окаменеть в безотносительном бытии собственного интерьера. Достигая тем самым того самого зрота, другим концом которого является неизбежный сладко пьющий живую кровь Танатос, о котором **он** ничего не знает. И знать не собирается. Уроки психологии оказываются в том самом будущем, которое его не должно касаться.

Обломов:

Слава – Эрос – Танатос-упырь
тщеславие
слава и состязания – цирк
ах, какой я не чемпион

Штольц:

ах, какой я не чемпион
настоящая слава –
разделенная любовь
а значит бег с препятствиями
но я предстаю сегодня
облысевшим двугорбым
верблюдом-поэтом
вот и все лавры
niente gloria

Обломов:

разделенная любовь –
единственная слава
но...

Так кто же из нас все-таки поэт?

Фрагмент № 21

Всем Эвам найду псевдонимы. Мужчинам станет легче общаться с каждой в отдельности.

А я?

Даже за час до смерти не поздно начать новую жизнь.

Фрагмент № 22

Смерть наступала часто. Я каждый раз начинала сначала, обтекая мраморную поверхность моего любимого. **Он** не хотел быть даже любимым. **Он** – просто человек. Однако хотел себя довести до совершенства трупа. **Он** действовал с умом в этом направлении. Но упал и сломал ногу. Addio совершенство? Парадоксально, **он** оказывается мертвым среди живых. Неким постулатом самости.

Его завершенность, законченность, одинокая самодостаточность – это совершенство, когда о совершенстве может идти речь, труп.

В этом этическое и эстетическая привлекательность **его**. Трагический парадокс? О него разбивались волны бушующего огня моей неразрешенной, а потому навязчивой любви. **Он** не совмещался с миром, а значит, и со мной. Я жила в мире, **он** жил на границе, где не было ни жизни, ни смерти. Может быть, настоящим мечтателем был **он**, мое мраморное изваяние, мой памятник при жизни, без которого я и жить уже не могла? В то время как **его** единственная мечта – Обоянск. Но сейчас я еду уже не к нему.

Время для него было как нефть для мировых предпринимателей – неисчерпаемо. Оно было заключено в стеклянную, а порой в резиновую скорлупу одиночества. Редкие бессодержательные связи в мире, который **его** не знал или не понимал. Может быть, вообще никто никого не понимает, и мир просто распадается? В центре распада **он** стоял как обелиск железобетонной свободы. Тяжкое она бремя. Но **он** не старался от него избавиться. Вся **его** энергия заключалась именно в свернутости структур, способных перерасти границы жизнеподобия.

Фрагмент № 23

И если сад – символ соборности, он – сам себе собор. Я там молилась. Я поливала его своей надеждой, хлещущей чувственной влагой, постоянной болью истощения надежд, в конце концов, кровью. Этот сад – вместилище моего мазохизма. **Его** (героя) садизм был не что иное, как природное варварство. Ничего персонального.

Фрагмент № 24

Дом – это судьба. Я ехала за наследством. Получать завещанный дом.

Фрагмент № 25

Тетин домик со старорежимной мебелью был настоящей сокровищницей: старые книги, пыльные подшивки журнала «Нива»,

литературные приложения к этому некогда славному журналу и другие бесценные вещи. Ни в одной библиотеке невозможно было подступиться к такому разнообразию. В бедной голове, впрочем, как и сейчас, образовалась чудовищная мешанина из Джейн Остин и Жорж Санд, Гашека и Ирасека, Вернера и Марлит, бульварных романов начала века, русской классики, трудов по истории и так далее.

Все это у самого синего моря.

Фрагмент № 26

Он совершал преступление против экономики, разорвав отношения с заведенным порядком вещей. Афазия Обломова и аутизм Бартлеби. Человек в футляре вылупился из футляра и поднял бунт, подобно Бартлеби, что сидит сложа руки в уоллстритской конторе, повторяя: *Я предпочел бы НЕ* (Я предпочел бы этого не делать). Как в тех вестернах – одинокий изгой – десперадо. На этот раз история не требует трагической развязки. Никому ни до кого нет дела. Бунт оказывается бесплодным. **Он** уже! *человек без качеств*. Но вспомните, что имел в виду Музил.

Я любила **его** за жестокую стойкость. Вот она – ослепительная ясность пафоса. На алтарь фаллоса отказа я возложила венок всех своих талантов. Я восхищалась им.

О, Бартлеби
молчания фигура
он истины не ищет
он обновления не ждет
бежит он встречного движенья
в нем немость тихая
молчание на дне зрачков
А было ли о чем молчать?
я пленку попробую не заряжать
футлярности портрета пока не делать
искусство – оно первично
жизнь – вторична
но жизнь **его** – не жизнь
так значит ли, что
и она – искусство?

Фрагмент № 27

Иду мимо МХАТа. Вижу вывеску, очень приятную, будто антикварную,

«Чай, кофе и другие колониальные товары». Конечно, захожу. Покупаю крохотные пакетики с драгоценным чаем разных сортов, белые и зеленые чаи, желтый, красный, синий или фиолетовый – улуны (оолонги). Черный я не люблю. Трачу безумные для меня деньги. Думаю о собственной шизоидности, но успокаиваюсь тем, что вывеска может быть настоящая *чеховская*, перекочевавшая во времени с юга на север. Ведь юный Антон подрабатывал у отца именно в лавке под такой вывеской. В Таганроге.

Фрагмент № 28

Где-то я вычитала, что весь XX век может быть назван шизоидной эпохой. Кажется, все сколько бы ни было фундаментальные открытия в науке и философии, все важнейшие художественные направления носят шизоидный характер: это и философия, и квантовая механика, и теория относительности, и психоанализ, и кино, и структурная лингвистика вместе с семиотикой и математической логикой, и многое другое, шизоидный характер присущ экспрессионизму, символизму, новому роману, постструктурализму, постмодернизму. Почти все великие художественные произведения XX в. аутистичны: *Доктор Фаустус* Манна, *Улисс* Джойса, *В поисках утраченного времени* Пруста, *Человек без качеств* Музиля, Кафка, Пессоа, Набоков, Платонов... То же самое в музыке: Бузони и Кульбин, Шёнберг и Варез, Булез и Штокгаузен, Ноно и Мадерна, Берио и Кастильони... XX век в воронке аутистического мышления. А существует ли она, реальность, как таковая?

Постмодернизм что и аутистическое мышление – отказ от целостного восприятия мира.

Интересно, что китайцы аутистичны, но не шизоидны. Надо об этом подумать.

Фрагмент № 29

Попытки медикаментозными методами и наказаниями из каких-то идеологических и прочих соображений искорежить склад личности бессмысленны и вредны. Человеку следует давать возможность выбора или поручать то, к чему он пригоден по своей сути.

Я не могла ему поручить любовь к себе.

Фрагмент № 30

В купе, напротив меня, – длинноногий молодой человек лет двадцати пяти, наверное, неправильно высокий. От этого голова кажется маленькой, лицо мальчишеское, а глаз смотрит пронзительно на грани извращения. Театральная эlegantность и рафинированная фешенебельность делает его изгоем в этом далеком от мира поезде. Ну, да, разумеется, он едет на чеховский фестиваль. Понятно, человек театра. Глаз блестит восхищением. Я благодарно отвечаю, ненастойчиво, но заинтересованно. В этой оптической перестрелке приобретает свое достоинство неистребимое барокко. Смущенно ощущаю, как его присутствие отвлекает меня от постоянства чувств, посвященных Герою.

Продолжение следует

Милан

